

Архивы

В.Н. Караман

Исторические источники по истории политических репрессий в СССР (на примере Дальнего Востока)

**Historical documents on political repressions in the USSR
(on the example of the Russian Far East)**

В статье дается анализ документальных источников по истории политических репрессий в СССР на примере Дальнего Востока. Приводится краткая характеристика основных видов документов и их особенности, что поможет исследователю в дальнейшем ориентироваться в многообразии документов советского периода.

The analysis of documentary sources on history of political reprisals in the USSR on the example of the Russian Far East is given in this article. The brief characteristics of the basic kinds of documents and their features that will help the researcher in the further to be guided with variety of documents of the Soviet period is given.

Со времени падения советской власти, распада Советского Союза и введения в действие указов "О партийных архивах", "О снятии ограничительных грифов..." и приказа "О дальнейших мерах по введению в научный оборот документов бывших партийных архивов"¹ прошло уже почти 15 лет, однако нельзя сказать, что вновь введенные в научный оборот документы полностью изучены и освоены.

За этот период вышло достаточно много сборников, которые стали уже фундаментальными для каждого изучающего советский период истории России². Кроме того в Internet появилось множество как электронных версий, так и самостоятельных публикаций документов. В этом плане особенно выделяется публикация документов (документы представлены на сайте в отсканированном виде с высоким разрешением. Формат JPG) о голодо-

¹ Указы Президента Российской Федерации от 24 августа 1991 г. "О партийных архивах" и от 23 июня 1992 года "О снятии ограничительных грифов с законодательных и иных актов, служивших основанием для массовых репрессий и посягательств на права человека" и изданный на их основе приказ Комитета по делам архивов при правительстве Российской Федерации № 210 от 17 ноября 1992 г. "О дальнейших мерах по введению в научный оборот документов бывших партийных архивов".

² Трагедия советской деревни: коллективизация и раскулачивание 1927-39 гг. документы и материалы. в 5 т., т. 1. М.: Росспэн. 1999.; Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД: Док. и материалы в 4-х т. 1918 – 1939: Документы и материалы / Под ред.: Берелович А. (Франция), Данилов В. Россия Сост. Борисова Л. отв. сост. и др. Ред. кол.: Берелович А. (отв. ред.) и др.: – М.: РОССПЭН, 2000. и др.

море на Украине на официальном сайте СБ Украины (Опис колекції документів ГДА СБ України. "Голодомор 1932 – 1933 рр. в Україні") и других украинских сайтах¹.

Но, для исторического анализа, недостаточно только опубликованных документов, несмотря даже на их относительную полноту. Основной упор в исследованиях делается на неопубликованные документы. Все документы (речь будет идти только о документах, сделанных именно на бумажной основе, об остальных источниках мы расскажем в последующих работах) можно условно разделить на три большие группы.

Во-первых, это документы (решения, распоряжения, протоколы и др.) властных структур всех уровней. Они наиболее информативны в освещении периода так называемого "Великого перелома", так как решения о раскулачивании причисленных к 2 и 3 категориям кулаков проходили через местные советы. Информация, содержащаяся в документах (решения РИКов, списки раскулаченных, описи имущества и т.д.) по раскулачиванию, ценна, в том числе, и описанием экономической мощности раскулачиваемого, в сущности, ликвидируемого хозяйства, так как на его месте не возникало аналогичного по мощности колхозного. В материалах РИКов, кроме списков лиц лишённых избирательных прав (наиболее многочисленная группа документов), имеются описи имущества хозяйств, подлежащих раскулачиванию. Эти документы дают возможность получить представление о том, какие хозяйства считались кулацкими в данной местности, какова была их численность и т.д. (По этим документам, в частности, архивы выдают справки для восстановления имущественных прав раскулаченных крестьян). Однако именно эта группа документов наиболее изношена и находится в состоянии близком к тому, что в скором времени ими будет практически невозможно пользоваться.

Во-вторых, это документы (протоколы и стенограммы партийных пленумов, конференций, инструкции, распоряжения и т.д.) партийных структур всех уровней. Поскольку решения Коммунистической партии во время существования СССР носили общегосударственный характер, то, разумеется, сведения, содержащиеся в партийных документах, позволяют проследить ход репрессий от абстрактной идеологической доктрины до их практического воплощения. Партийные документы интересующего нас периода ценны прежде всего тем, что содержат сведения о репрессивной политике ВКП(б) и о внутрипартийной борьбе в 30-е годы, которая разгорелась, в частности, по вопросу репрессий (методах, сроках, и т.д.). По этим документам можно выяснить как проводилась на Дальнем Востоке в жизнь победившая к 1929 году линия в ВКП(б) на ликвидацию кулачества, как класса. В этом плане наибольшей информативностью обладает переписка партийных инстанций от первичных организаций до областного

¹ Режим доступа: http://www.sbu.gov.ua/sbu/control/uk/publish/article?art_id=49757&cat_id=53076; <http://www.archives.gov.ua/Sections/Famine/> [Дата обращения 15.11.2006 г.] и др.

и краевого комитетов ВКП(б) с различными ведомствами. Особую группу составляют документальные материалы, (справки, заключения, объяснительные, докладные и т.д.), касающиеся периода "партийной чистки" (1928 – 1935 гг.)¹. Они не распылены по всем документам фонда, а сконцентрированы в отдельные дела. Они так и называются: "Протоколы заседаний и материалы комиссии по проверке и чистке членов и кандидатов в члены ВКП(б) Дальстроя (ВОХР ОГПУ, Владивостокского окротдела ОГПУ и др. партийных организаций)". Подобное формирование дел значительно упрощает работу исследователя. В частности, по ним можно проследить критерии, применяемые при "чистке" партийных кадров (как декларировавшиеся, так и фактические). Это, в свою очередь, поможет дать оценку места "партийной чистки" в общем контексте политических репрессий. Однако следует отметить, что обращение исследователей к этим, недавно рассекреченным, документам довольно редко.

Большинство документов первых двух групп находится в Государственных архивах Амурской области, Приморского и Хабаровского краёв. Документы центральных властей и партийных органов располагаются в Российском центре хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ) – бывший Архив истории марксизма-ленинизма; Российском государственном архиве экономики (РГАЭ) – бывший Центральный Государственный архив народного хозяйства; Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) – бывший государственный архив Октябрьской революции.

И в третьих, это материалы ОГПУ, НКВД. Их можно разделить на следственные дела и различного рода документацию в виде приказов, переписки и т. д. Следственные дела, возбуждённые в 1929 – 1933 годах не только против крестьян, но и против всех, кто так или иначе был причастен к коллективизации, находятся в Госархиве Приморского края (фонд Р-1588); архивах Управлений ФСБ РФ и информационных центрах МВД РФ по Амурской области Приморскому и Хабаровскому краям. Здесь надо отметить, что архивно-следственные дела по Амурской области относящиеся к крестьянским восстаниям находятся в архиве УФСБ по Омской области. Несмотря на многочисленность этой группы документов (42813 ед. хр. по состоянию на 1 января 2002 года в ГАПК, в архивах других регионов таких, как Сахалинская область, Алтайский край, Республика Бурятия и некоторых других, эта цифра значительно скромнее), они приняты в необработанном виде, без внутренних описей, значительная часть - без вложенных в конверты личных документов, в сдаточных описях дела не расположены в хронологическом порядке и т. д., что создаёт немалые трудности для работы с ними. Переписка органов ОГПУ, НКВД с различными инстанциями имеется и в указанных архивах первых двух групп документов, а также в Центральном архиве ФСБ РФ. Документы регламентирующего характера Цен-

¹ ГАПК. Ф. П-3, Оп. 3. Д. 22, 84; Оп. 4. Д. 227-а, 236, 306; Оп. 5. Д. 19, 22, 81, 117; Ф. П-2541. Оп. 1. Д. 70, 80, 81.

трального архива ФСБ РФ, значительно расширяют возможности исследователей. Разумеется полностью использовать их информационный потенциал станет возможно только тогда, когда все эти документы из разряда рабочих документов перейдут в разряд исторических.

Информация, содержащаяся в прекращенных следственных делах, почти отсутствует в других источниках. Особенное значение имеют документы с информацией о мнениях крестьян относительно коллективизации и политики коммунистической партии в деревне. В частности, по формулировкам обвинительных заключений особенно хорошо видно, как обычные слова о несогласии с какими-либо действиями властей расценивались, как политическое преступление (для этого использовалась ст. 58-10 УК РСФСР, но в ряде случаев вместо статьи стояло: "антисоветские настроения" "измышления против советской власти" и пр.). Хотя, в каждом конкретном случае нельзя сказать, имели ли место высказывания недовольства данного обвиняемого политикой партии и правительства, так как сведения об этих высказываниях чаще всего построены на неподтверждённых свидетельских показаниях (не говоря уже о прямо сфальсифицированных делах), всё же тенденция подобных недовольств отчётливо просматривается. Кроме того, эта информация проверяется как по информационным сводкам ОГПУ так и по партийным документам.

Состав документов, входящих в следственное дело обычно стандартен. Это анкеты арестованных, протоколы допросов, обысков и т. д. Архивно-следственные дела различаются в основном приложениями к делу. Сюда входит переписка по делу, изъятые у арестованных по делу лиц документы (письма, фотографии, удостоверения и т.д.). Но подобные приложения характерны для тех, кто до ареста вел активную деятельность связанную с перепиской.

Говоря о архивно-следственных делах следует обратить внимание на тот факт, что дела 20-х – первой половины 30-х гг. по своему стилю ближе к делопроизводству царской России. Дела этого периода более информативны за счёт того, что они велись более обстоятельно (еще были живы и работали люди получившие образование в царской гимназии), чем в последующий период. В делах второй половины тридцатых годов весь комплекс документов сводится к признательным протоколам допросов, похожих друг на друга, как копии одного документа. Дела бывших руководителей более объёмны (за счёт многочисленных допросов и приложений к делу). Дела же крестьян в большинстве случаев состоят из нескольких листов (анкета, протокол допроса, приговор). Также мало информативны дела арестованных по оперативному приказу НКВД № 00447 "об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и др. антисоветских элементов" от 30 июля 1937 г. Формирование дел стало носить поточный характер. Всё это свидетельствует о том, что со второй половины тридцатых годов кардинально изменился подход к репрессиям со

стороны центральных властей. От следователей требовалось в кратчайшие сроки завершить несколько дел, к тому же образовательный уровень ведущих дело следователей был значительно ниже, чем у их предшественников и даже при беглом осмотре дела это сразу бросается в глаза.

Доступ к приказам, оперативным сводкам и другим аналогичным документам ограничен и требует прохождения длительных юридических процедур по рассекречиванию документов. Недостаток этой группы документов несколько компенсируется наличием документов, содержащих аналогичную информацию в Государственном архиве Хабаровского края. В большинстве они сосредоточены в фонде Далькрайкома ВКП(б), так как между Далькрайкомом и Полномочным представительством ОГПУ в ДВК шла переписка, в которой основными были вопросы проведения политики насильственной коллективизации и раскулачивания. А вот переписка Далькрайкома и ПП ОГПУ, находящаяся в Российском Государственном историческом архиве Дальнего Востока (фонд № 2413 – Дальневосточный краевой исполнительный комитет), пока не рассекречена (со слов руководства архива – по техническим причинам – отсутствие собственного здания архива), и также недоступна исследователям хотя со времени переезда архива из г. Томска прошло достаточно много времени (с 1991 г.). То есть документы фактически исключены из научного оборота, в том числе и уже опубликованные.

Кроме того, следует отметить слабую разработанность научно-справочного аппарата (применительно к документам ФСБ, можно говорить об его отсутствии), это связано с тем, что значительная часть документов недоступна и к тому же, никак не предназначалась для научного изучения. Но это касается практически всех существующих в природе документов. Повседневных рабочих документов, созданных с оглядкой на историю просто не существует. Всё это, конечно, затрудняет работу исследователя. В частности, в Государственных архивах Амурской области, Приморского и Хабаровского краёв, а также в Российском государственном историческом архиве Дальнего Востока, есть значительное количество документов, (это как документы органов, советской власти, так и партийных органов различных уровней, содержащих информацию о кулацких хозяйствах, – их хозяйственной мощи, динамике развития. Но нет еще ни полной статистики, ни необходимого поискового аппарата, позволяющего ответить на вопросы о количестве хозяйств, признанных кулацкими, о судьбе самих раскулаченных семей и т. д.

Заканчивая обзор источников, следует отметить их недостаточность при статистическом исследовании такой сложной проблемы, как политические репрессии. Вот весьма характерный факт. В архивы за поиском документов, дающих право на реабилитацию, обращаются тысячи граждан (в основном, это и дети бывших кулаков и депортированных корейцев), но ответить положительно на запросы первых архив может чуть более, чем в 50 % случаев и на запросы вторых – не более, чем в 20 %. В Госу-

дарственных архивах Амурской области и Хабаровского края аналогичная ситуация, при том, что в количественном отношении, запросов по корейцам в этих архивах значительно меньше. Необходимыми документами не располагают и отделы реабилитации жертв политических репрессий информационных центров УФСБ, и УВД. За весь период, в течение которого архивисты систематизировали материал по репрессированным, этот показатель ни сколько не улучшился. Таким образом, налицо следующая картина, оказывается фактически репрессированных лиц больше, чем это отражено в документах. Документы либо были утеряны (что не удивительно из-за неразберихи в делопроизводстве, какая была в 20-30-е годы), либо затерялись среди других документов, не говоря уже о целенаправленных так называемых "макулатурных" кампаниях. Кроме того, дела 20-х начала 30-х гг. – это очень неудобные листы несовременного стандарта; с переходом на другой формат их стали загигать, многие документы написаны на плохой бумаге (обёрточная, папиросная и т. д.) простым карандашом. Поэтому текст на них становится трудночитаемым, и со временем, читать эти документы становится всё труднее и труднее. В результате, значительная часть информации просто утрачивается. Эта проблема, к сожалению, характерна для всех архивов.¹ В этом отношении документы Государственного архива Амурской области значительно выигрывают. Так, в частности, документы по Сианскому восстанию 1930 г.² находятся почти в идеальном состоянии.

Особенную сложность представляет достоверность и полнота источников. Работая с любым документом, как с источником информации, всегда нужно помнить, что существует два информационных потока. Первый – это информация самого текста документа; второй – это информация, лежащая за пределами текста, но которая, тем не менее, может быть получена именно из данного документа. Что касается информации, отражающей репрессивную политику, то значительная её часть лежит за пределами документов. Так, фальсификация следственных дел не позволяет, например, использовать информацию текста допроса, как достоверный источник, раскрывающий реальную деятельность допрашиваемого. Но сличение нескольких показаний, а также анализ параллельных показаний в других делах, позволяет раскрыть механизм фальсификации дел и использования необоснованного осуждения, как инструмента укрепления власти. Аналогичная ситуация и с другой группой документов. Особенно это касается переписки и официальных сводок. Иногда практически невозможно найти иные документы, подтверждающие или опровергающие утверждения официальных лиц, данные в их отчётах или указаниях, и исследователю приходится оперировать имеющимися данными, хотя они могут и не соответствовать действи-

¹ Режим доступа: <http://www.memo.ru/about/bull/b24/36.htm>. [Дата обращения 10.11.2006 г.]; Н.Г. Рогалина. Актуальные проблемы изучения российского крестьянства 1920-1930-х гг. в свете новейших документальных публикаций. // Вестник архивиста. 2004. № 3 – 4. С. 115 – 129, № 5. С. 79 – 87.

² Караман В.Н. Сианское восстание крестьян // Россия и АТР. 2005. № 4. С. 5 – 11.

тельности. Именно такие, уязвимые с точки зрения источниковедения моменты и открывают широкий простор для разного рода интерпретаций.

Всё же, несмотря на всевозможные недостатки и изъяны, объём и информативность вновь вошедших в научный оборот исторических источников, настолько велики и значимы, что их вполне достаточно, чтобы дать полноценный анализ истории политических репрессий в СССР. А вот сам уровень исторического анализа уже целиком зависит от исследователя.

